

СИГАРЫ [для] ДОСТОЕВСКОГО

«Достоевский» — сигарная марка в честь братьев Достоевских

Михаил Пашаев ©

ВСЕ ПРАВА СОХРАНЕНЫ.

**Любое использование, копирование
и воспроизведение текста допускается только
с письменного разрешения правообладателя.**

«... Будучи вполне уверена, что в России можно выделять сигары, несколько не уступающие в достоинствах заграничным, фабрика для этой цели выписала из Гаваны лучшие сорта тамошних табаков, подвергла их самой тщательной сортировке и теперь предлагает публике совершенно вылежавшиеся, более чем годовалые сигары...»

Михаил Достоевский

Русская сигара «Достоевский» — марка названа в честь писателя, драматурга, переводчика, издателя и табачного фабриканта Михаила Михайловича Достоевского (1820-1864), а также его младшего брата — знаменитого русского писателя Фёдора Михайловича Достоевского (1821-1881).

У братьев Достоевских было много общего: оба родились в Москве, но большую часть жизни прожили в Санкт-Петербурге; в молодости были (почти) революционерами, но повзрослев стали консерваторами-«почвенниками»; оба были талантливыми литераторами и, конечно же, оба были равнодушны к табаку...

РУССКАЯ СИГАРА
ДОСТОЕВСКИЙ

Санкт-Петербург — Москва
2023

РАЗДЕЛ 1

Табачная фабрика Михаила Достоевского и её сигары

«Лучше в мире нет сортов

Достоевских табаков.

Достоевских табаки

Сортом очень высоки»

В 1850 году, когда Федор Михайлович Достоевский находится на каторге в Сибири, Михаил Михайлович понимает, что ни журнальная, ни педагогическая деятельность не дают ему возможности обеспечить растущую семью. Он принимает решение заделаться купцом и открыть табачную фабрику. Сейчас уже невозможно узнать, что заставило литератора заняться именно табачным делом.

Табачная фабрика Михаила Достоевского в Санкт-Петербурге проработала 10 лет — с 1852 по 1862 год. С 1 сентября 1855 года производство размещалось на первом этаже в доме вдовы надворного советника Пономаревой на Малой Мещанской улице, дом № 1/61 (на углу с Екатерининским каналом). Квартира отставного инженера-подпоручика и новоиспечённого табачного фабриканта Михаила Михайловича Достоевского и его семьи находилась на третьем этаже этого дома.

Этот дом, 1826 года постройки, сохранился и поныне — его современный адрес: Санкт-Петербург, Казначейская улица, д. 1/61 (угол с каналом Грибоедова). В настоящее время в нём расположен мини-отель «Дом Достоевского».

В одном из поздних писем к брату Федору Михаил Достоевский вспоминал: *«Я начал фабрику, как ты сам знаешь, без всякого капитала. У меня пошло хорошо...»*

Своему новому предприятию Михаил Михайлович отдаёт все силы и лишь изредка публикует свои переводы. Будучи талантливым и разносторонне развитым человеком, Михаил Достоевский сразу показал себя ещё дельным предпринимателем — он первым использовал оригинальный (на то время) маркетинговый прием — в каждый ящик с 250 папиросами вкладывал подарок-сюрприз. Эти «сюрпризы» — как правило, галантерейные товары — он выписывал оптом из Германии, а также Парижа и Лондона.

Главная столичная газета «Санкт-Петербургские Ведомости» от 24 октября 1852 года в статье «Вести из мира промышленности и торговли» так писала об этом новшестве:

«Всякое усовершенствование в промышленности, всякое добросовестное начинание всегда найдет в нас ценителей; на этом основании считаем долгом замолвить перед читателями доброе слово о новой фабрике папирос М. Достоевского, только что открытой. Дороговизна хороших сигар и неудобства трубки сделали папиросы предметом общего употребления; следовательно, известие наше будет иметь общий интерес. Так как папиросных фабрик много и каждая старается привлечь внимание покупателей на свою сторону, то очень естественно, что каждая старается также перещеголять своих соперниц; роскошью коробок, обстановкою магазина, дешевизною. Г. Достоевский решил устроить свою фабрику так, чтобы публика ничего не теряла.

«Фабриканты, сказал он, уступают одним только торговцам, а если я буду уступать публике так же, как уступают торговцам, то торговцы не будут забирать у меня, и я лишусь средства распространять свой товар; надо, следовательно, придумать такую уступку для публики, которая не вредила бы торговцам».

Г. Достоевский придумал следующее. В каждый из ящиков в 250 штук папирос его фабрики вкладывается, в виде уступки, сюрприз, то есть какая-нибудь вещь, относящаяся к дамскому туалету, к письменному столу или вообще какая-нибудь модная вещица, как-то: вышитые воротнички, браслеты из лент, серебряные вещицы для шитья, ножи для разрезания книг. Все вещи выписываются г. Достоевским из-за границы в

большом количестве, следовательно, он приобретает их по весьма дешевой цене. Не сомневаемся, что фабрика г. Достоевского будет иметь у нас огромный успех, тем более что папиросы его нисколько не хуже других и приготавливаются из чистых табаков, без всякой к ним примеси».

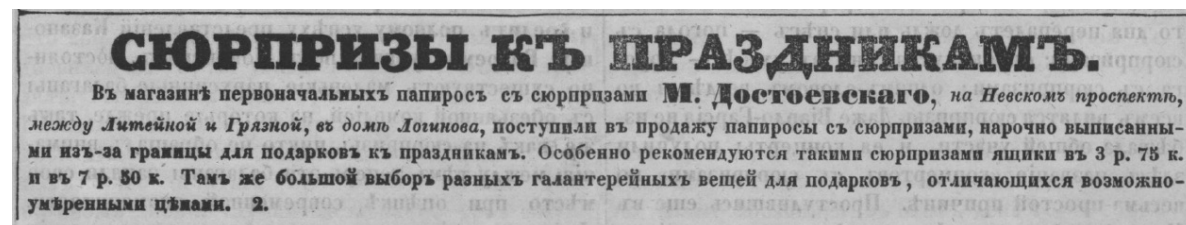
Курящая публика действительно охотно покупала такие ящички с подарками, ведь розничная стоимость сюрпризов часто превышала стоимость самих папирос. Популярность продукции табачной фабрики Достоевского росла и они стали рассылаться по всей Российской империи.

«В это время у М. М. Достоевского была собственная табачная фабрика, и дело шло не дурно: его папиросы с сюрпризами расходились по всей России. Но занятия по фабрике не отвлекали его, однако же, от литературы.»

Александр Милюков, писатель и критик, друг братьев Достоевских

В книге «Из воспоминаний о Достоевском» Зинаиды Сыгиной (Гейбович), дочери ротного Артемия Гейбовича, одного из сибирских друзей Федора Достоевского, читаем:

«В то время у нас, в Семипалатинске, были в большой моде папиросы фабрики М<ихаила> М<ихайловича> Достоевского, брата покойного писателя, продававшиеся в ящичках. Ящик для папирос был длинный и не широкий, вроде сигарного; не знаю, сколько там было сотен папирос ящик, но был разделен пополам перегородкой — в одной половине были папиросы, в другой какой-нибудь сюрприз: фарфоровая вещица, ложка или тому подобное. Эти папиросы продавались в Семипалатинске, кажется, по 4 руб<ля> за ящик. Федор Михайлович часто покупал эти папиросы, и тогда для нас был праздник: все прилагаемые к ним подарки Федор Михайлович дарил нам. У меня и до настоящего времени хранится из этих подарков маленькая корзинка из перламутра, оправленная в бронзу с красным камнем на ручке» (см. «Исторический вестник», 1885).

Московский корреспондент газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» в своей статье «Московская летопись», опубликованной 23 июля 1854 года, писал:

«Давно я собирался попенять известному в Петербурге производителю папирос М. Достоевскому за его невнимание к здешним потребителям папирос. Все петербургские фабриканты имеют здесь свои депо и склады, но папирос Достоевского вы не отыщете нигде, если не наткнетесь случайно на один весьма скромный табачный магазин в Кузнецком Переулке. Хозяин этого магазина, по требованию своих знакомых, решился выписывать папиросы Достоевского, но и то в самом ограниченном количестве, между тем как каждый транспорт их разбирается нарасхват.»

Я забыл сказать, что и этот хозяин выписывает только один сорт папирос, слабый мариланд, а других не оказывается нигде. К тому же соблюдение магазинщиками собственных выгод может повредить Достоевскому в мнении здешней публики. Не желая платить значительной суммы за провоз, хозяин магазина получает из Петербурга самые неполновесные ящички, так что все сюрпризы, которыми Достоевский так щедро награждает петербургских любителей, являются здесь в самых ничтожных вещичках. Здесь, конечно, есть и свои папиросы с сюрпризами; но все они много уступают качеству папиросам Достоевского, как и самые сюрпризы.»

В минувшем году один здешний фабрикант пустил было в ход папиросы с сюрпризами, которые действительно оправдали это название, но к счастью эти папиросы были немедленно уничтожены.»

Его папиросы имели форму обыкновенных, но, по приближении к огню, хлопали и били фонтанчиком разноцветных огней, на манер римской свечи. Не правда ли, что подобная папироска сама составляла довольно приятный сюрприз, особенно для того, к кому могла быть обращена во время закуривания?»

После этой публикации в Москве было открыто два склада табачной продукции фабрики Достоевского — при магазине Г.П.И. Аршаулова (на Никольской, в доме Богоявленского монастыря) и при магазине братьев Красильниковых (также на Никольской, в доме Чижевского подворья).

Фабрика была небольшая и держалась, в том числе на личном участии в работе всех членов семьи Достоевских. Это подтверждает дочь Михаила Михайловича Екатерина, которая вспоминала (в изложении первого директора Музея Ф. М. Достоевского в Москве Веры Нечаевой), как её мать Эмилия Фёдоровна сама укладывала в коробки с папиросами самые «сюрпризы».

Единственное описание табачной фабрики Михаила Достоевского нашлось только в статье «Петербургская жизнь (письмо в редакцию)» в газете «Московские Ведомости» от 25 октября 1852 года: «Помещение фабрики, чистота зал, порядок между сотнями рабочих и работниц, выбор заграничных сортов табаку, всё заслуживает полной похвалы».

Позже в том же здании Малой Мещанской улице, по возвращении из ссылки, с 1 сентября 1861 года по начало августа 1863 года снимал квартиру и его младший брат Фёдор Михайлович, который прожил здесь до своего отъезда за границу.

И в этом же доме 1861-1863 годах братья Достоевские издавали журнал «Время», а после его запрета — журнал «Эпоха».

Здание бывшей
Табачной фабрики
Михаила Достоевского
(фото 1920-годов).

Изначально фабрика производила только папиросы, но в своих магазинах продавала также курительный табак и заграничные сигары — «Гаванские сигары долголежалые от 7 до 10 р. за сотню», получаемые посредством «опыта прямой выписки их из Гаваны».

Согласно «Книге записей хозяйственных расходов табачной фабрики М. М. Достоевского»* (январь 1854 — декабрь 1858 года), хранящейся в фондах Российской государственной библиотеке, собственное сигарное производство — «Работа сигаръ» — было запущено в декабре 1855 года. Сегодня бы его, скорее всего, назвали бы «бутиковым»

Из этих же записей мы узнаем, что фабрика имела свой постоянный штат «сигарочниц» (крутильщиц сигар или торседоров).

По сложившейся европейской традиции, скрутка сигар на фабрике Достоевского — это женский труд.

18 апреля 1856 года Михаил Достоевский писал брату Федору в Семипалатинск: «Я начал теперь выделывать кроме папирос сигары, и употребил на это в конце прошлого года кучу денег. Я рискнул и если они не пойдут у меня, то я не знаю что мне и делать будет. Деньги употреблены, множество векселей подписано, сроки им уже подходят, а я ещё и не начинал продавать сигары. Ты сам знаешь, что они должны хорошо вылежаться. Но за то если пойдут, то будет отлично».

Из этого письма мы видим как ответственно (и с полным пониманием технологического процесса) относился Михаил Михайлович к своему

		1849	42 1/2	29,795	15 3/4
22	Кл. Вулицы на обивочный материал	115	15		
	Зап. губ. свидетельствах губ. правлен.	23	58		
	Кл. гербового бумаги		20		
	Бандероки: Ш. 250 мм. 33 ш.	33	75		
	Ш. 250 мм. 25	150			
	Ш. 25 мм. 5 ш.	15			
	Работа папирос	28	20		
	Подписки	1	30		
24	Шифры	8			
	Рейс-билет	14			
	Ворсин	10			
	Столбы	6			
	Магистраль	2	50		
28	Бандероки: Ш. 250 мм. 33 ш.	198			
29	Бандероки: Ш. 25 мм. 15 ш.	46			
	100 Папирос	3			
	Салга Ледера	4	13		
31	Бандероки: Ш. 250 мм. 5 ш.	30			
	Работа папирос и сигар	22			
	Подписки		90		
	Свдт. на фабрику и в магаз.	35			
	Рейс-билет	14			
	Работа сигар	3	76		
	Курительная бумага		42		
	Работа по магаз.	31	13	2641	54 1/2
	Итого			32436	70 1/2

сигарному производству, а также какие большие надежды возлагал на их запуск.

Объявление в газете «Санкт-Петербургские Ведомости» от 6 июля 1856 года гласило:

СИГАРЫ
Фабрика
М. ДОСТОЕВСКАГО
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.
ФАБРИКА: въ Малой Мѣшанской, въ домѣ Пономаревой;
МАГАЗИНЫ: при самой Фабрицѣ и на Невскомъ Проспектѣ, между Владимірской и Грязной, въ домѣ
Логина.

Огромный успѣхъ папиросъ М. Достоевскаго и неоднократныя требованія публики заставили Фабрику еще въ началѣ прошлаго года приступить къ выдѣлкѣ сигаръ. Начиная это новое предпріятіе, Фабрика имѣла преимущественно въ виду соперничествовать съ гамбургскими и бременскими сигарами, продающимися по огромной цѣнѣ болѣею частью за настоящіа гаванскія. Будучи вполне увѣрена, что въ Россіи можно выдѣлывать сигары, нисколько не уступающія въ достоинствѣ заграничнымъ, Фабрика для этой цѣли выписала изъ Гаванны лучшіе сорта тамошнихъ табаковъ, подвергла ихъ самой тщательной сортировкѣ и теперь предлагаетъ публикѣ совершенно вылежавшіяся, болѣе чѣмъ годовалыя сигары.

Названія и цѣны ихъ слѣдующія:			
Regalia Habanera 100 шт.....	8 руб.	Caballeros 100 шт.....	3 руб. 80 коп.
Regalia Media.....	6 —	Trabuccos.....	3 — 80 —
El pouro Habanera.....	5 —	Senoritas (для дамъ).....	2 — 90 —
Amores (неболѣш. форматъ).....	3 — 80 коп.	Желѣзная дорога (малый форм.).....	1 — 75 —
La Fama.....	3 — 80 —	№ 2-й.....	2 — 80 —
La Leontina.....	3 — 80 —	№ 3-й.....	3 — —
Naturalia.....	3 — 80 —	№ 8-й.....	3 — 30 —

Всѣ эти сорта разной величины, вкуса и аромата, и потому каждый можетъ выбрать себѣ тотъ сортъ, который ему болѣе понравится. Продаются онѣ кромя сотенныхъ ящичковъ по десяткамъ въ пачкахъ и по 25 шт. въ картонныхъ коробкахъ. Фабрика, употребивъ на это предпріятіе значительный капиталъ, не смотря на то, что онъ болѣе года оставался безъ движенія, предлагаетъ свои сигары по возможно дешевымъ цѣнамъ относительно ихъ качества.

Въ заключеніе, Фабрика надеется, что многочисленныя покупатели ея вспомнятъ, что въ продолженіе четырехъ лѣтъ своего существованія она ни разу не употребила во зло ихъ доверіе, что она первая стала дѣлать значительную уступку публикѣ на папирсы или въ видѣ сюрприза или деньгами, и что она постоянно стремилась къ улучшенію своего товара. Все это позволяетъ Фабрицѣ думать, что и новое ея предпріятіе заслужитъ себѣ такую же добрую славу, какою пользуются ея папирсы и табакъ.

УСЛОВІЯ ПРИ ПОКУПКѢ СИГАРЪ.
Господа, покупающіе три сотни вдругъ, пользуются 10% уступки; покупающіе пять сотенъ и болѣе 12%.

ГОСПОДА ИНОГОРОДНЫЕ
благоволятъ надписывать свои требованія просто: НА ФАБРИКУ СИГАРЪ, ПАПИРОСЪ И ТАБАКУ Г. ДОСТОЕВСКАГО ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ, ибо мѣсто помѣщенія Фабрики здѣсь извѣстно. Такъ какъ величина и вѣсъ сигаръ чрезвычайно разнообразны, то Фабрика не можетъ опредѣлить сколько нужно будетъ прилагать при требованіяхъ вѣсовыхъ денегъ, но проситъ быть увѣренными, что она будетъ вычитать столько, сколько того потребуетъ вѣсъ выписываемыхъ сигаръ съ укупоркою, а это Гг. иногородные каждый разъ сами могутъ повѣрить.

ГОСПОДА ТОРГОВЦЫ
пользуются значительною уступкою, и потому Фабрика надеется, что сигары ея будутъ распространены здѣсь по табачнымъ магазинамъ, что доставитъ публикѣ немалое удобство при покупкѣ. 2.

«Огромный успех папирос М. Достоевского и неоднократные требования публики заставили фабрику в начале прошлого года приступить к выделке сигар. Начиная это новое предприятие, фабрика имела преимущественно ввиду соперничать с гамбургскими и бременскими сигарами, продающимися по огромной цене болѣею частью за настоящие гаванскіе.

Будучи вполне уверена, что в России можно выдѣлывать сигары, нисколько не уступающіе в достоинствахъ заграничнымъ, фабрика для этой цели выписала изъ Гаваны лучшіе сорта тамошнихъ табаковъ, подвергла ихъ самой тщательной сортировкѣ и теперь предлагаетъ публикѣ совершенно вылежавшіяся, болѣе чѣмъ годовалыя сигары. Все эти сорта разной величины, вкуса и аромата, и поэтому каждый можетъ себѣ выбрать себѣ тотъ сортъ, который ему болѣе понравится.

В заключение фабрика надеется, что многочисленныя покупатели ея вспомнятъ, что в продолженіе четырехъ летъ своего существованія она ни разу не употребила во зло ихъ доверіе, что она первая стала дѣлать значительную уступку публикѣ на папирсы или в видѣ сюрприза или деньгами, и что она постоянно стремилась къ улучшенію своего товара. Все это позволяетъ фабрицѣ думать, что и новое ея предпріятіе заслужитъ себѣ такую же добрую славу, какою пользуются ея папирсы и табакъ».

Согласно этому же объявленію в ассортименте табачной фабрики Михаила Достоевского в 1856 году были слѣдующіе «совершенно вылежавшіяся, болѣе чѣмъ годовалыя» сигары (цена указана за 100 шт.):

- Regalia Habanera — 8 рублей
- Regalia Media — 6 рублей
- El pouro Habanera — 5 рублей
- La Fama — 3 рублей
- La Leontina — 3 рублей
- Amoges (неболѣш. форматъ) — 3 рублей 80 коп.
- Naturalia — 3 рублей 80 коп.
- Caballeros — 3 рублей 80 коп.
- Trabuccos — 3 рублей 80 коп.
- Senioritas (для дамъ) — 2 рублей 90 коп.
- Желѣзная дорога (малый форм.) — 1 рублей 75 коп.

К сожаленію, никакой достоверной информации как внешне выглядели эти сигары и как они были упакованы, не сохранилось. Вероятнее всего, форматы — или как тогда говорили «фасоны» — были популярныя ту эпоху *double figurado* (он же *perfecto*). Сами сигары, скорее всего, упаковывались в «разрисованный картонаж» (т.е. клееные из картона и бумаги коробки) и, при этом, они не имели индивидуальных бантов.

Напомним, что первые банты (или *anillas*, «кольцо» по-испански) появились на кубинских сигарах не ранее 1870 года.

Главный магазин «Фабрики сигарь, папирозъ и табаку г. Достоевскаго в С. Петербургѣ» первое время располагался в доме Логинова (Невский проспект, д. 61), а позднее переехал в дом Фольборта (Невский проспект, д. 6). Всего же у Достоевскаго было три табачных магазина: вышеупомянутый флагманский на Невском, ещё один в доме графини Орловой-Денисовой у Каменного моста (известен также как Доходный дом И. Д. Черткова на ул. Гороховой, д. 24) и небольшая лавка со складом при самом производстве на Малой Мещанской.

Несмотря на довольно высокую цену, сигары Достоевскаго также нашли своего потребителя.

В письме от 18 января 1858 года из Семипалатинска Федор Михайлович пишет брату Михаилу: «... Сигары твои я выкурил сам. Остаюсь тебе за них должен. Сквитаемся. Скажу ещё, что твои сигары превосходны...».

ФАБРИКА ПАПИРОСЪ И ТАБАКУ
М. ДОСТОЕВСКАГО
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ,
на углу Малой Мещанской и Екатерининскаго Канала, домъ Пономаревой.

Магазины: 1) На Невскомъ Проспектѣ, между Владимірской и Грязною, домъ Логинова; 2) у Каменнаго Моста, домъ Графини Орловой-Денисовой, и 3) при самой фабрикѣ.

Папирозы безъ сюрпризовъ, по съ уступкой. Подъ этимъ именемъ поступили недавно въ продажу, въ видѣ опыта, ящики папирозъ въ 250 шт., которые вмѣсто означенной на этихъ ящикахъ цѣны въ 2 р. и въ 3 р. 75 к. сер. продаются въ вышеозначенныхъ магазинахъ за 1 р. 50 к. и за 2 р. 75. Такъ какъ нововведеніе это заслужило въ Петербургѣ полный успѣхъ, то фабрика долговъ считаетъ рекомендовать эти ящики вниманію иногородной публики. Гг. иногороднымъ торговцамъ дѣлается сверхъ того еще скидка; такимъ образомъ они могутъ продавать съ выгодною эти ящики за 1 р. 60 и за 3 р. сер.

Папирозы съ сюрпризами (первоначальная) по 2 р., по 3 р. 75 к. по 5 р. и по 7 р. 50 к. сер. за 250 шт. Не нравящійся сюрпризу покупатель имѣетъ право переимѣнить въ магазинѣ на другой одинаковой цѣности въ числѣ сюрпризовъ много новыхъ вещей, недавно полученныхъ изъ-за границы.

Катанья или крученныя папирозы, въ особенности удобныя въ походѣ и въ дорогѣ (мариландъ, турецкій легкій и крѣпкій) по 1 р. 50 к. за сотню; съ сюрпризами по 5 р. и по 7 50 к. за ящикъ въ 250 шт.

Папирозы начками въ 25 шт. и въ 10 штукъ.

Табакъ курительный и для папирозъ, мариландъ и разныхъ наименованій турецкій по 90 к., по 1 р. 60 к., по 1 р. 80 к. и по 2 р. за фунтъ.

Енлизы для папирозъ изъ желтой и бѣлой англійской и французской бумаги съ этикетами фабрики по 10 к. сер. за 100 шт. Для иногородныхъ торговцевъ ящиками въ 5.000 шт.

Гаваецкія сигары долготелыя отъ 7 до 10 р. за сотню.

Фабрика долговъ считаетъ присвокупить, что ей посчастливилось заготовить большой запасъ прелестнѣйшихъ по своему аромату табачковъ, какъ мариландскихъ, такъ и турецкихъ, изъ которыхъ теперь и выдѣлываются ея папирозы.

Гг. иногородные, желающіе выпечатать по почтѣ папирозы безъ сюрпризовъ (не менѣе 1.000 шт.) за пересылку ничего не прилагаютъ, но за то не получаютъ и уступку, такъ какъ въ такомъ случаѣ она идетъ на покрытие почтовыхъ издержекъ. При выпискѣ же папирозъ съ сюрпризами, гг. иногородные благоволятъ присылать по разстоянію вмѣста съ каждымъ ящикомъ въ 250 шт. или съ 100 шт. сигаръ за 2½ фунта, адреса свои требованія просто: на фабрику папирозъ и табаку г. Достоевскаго въ С. Петербургѣ.

ВЪ МОСКВѢ складъ товаровъ фабрики М. Достоевскаго находится въ магазинахъ: Г. П. И. Аршаулова, на Никольской, въ домѣ Боголюбскаго Монастыря, и г. братьевъ Красильниковыхъ, на Никольской же, въ домѣ Чижовскаго Подверья. 2.

Любопытна реакция «коллег по литературному цеху» на занятие Михаила Достоевскаго табачным делом. Так в вышеупомянутой статье «Петербургская жизнь (письмо в редакцию)», опубликованной в газете «Московские Ведомости» от 25 октября 1852 года читаем:

«... В одно прекрасное утро мы получили объявление на розовой бумаге и собрав по нем должны справки, сообщаем читателям известие о литературных папирозах, принадлежащих автору многих повестей, критических рецензий, очерков, романов и комедий. Мы говорим с позволения их автора, о сочинителе повестей «Белые ночи», «Тёмный человек», о переводчике «Дон Карлоса» Шиллера и «Рейнеке-Фукс» Гёте, о сочинителе комедии, имевшей успех в Петербурге, «Старшая и Меньшая» о сочинителе статьи «Жуковский и его романтизм» мы говорим о М. М. Достоевском, который теперь дарит Русскую публику другими произведениями папирозами.

Эти папирозы в объявлении названы так: «Папирозы с сюрпризами; фабрики Михаила Достоевскаго». В каждом ящичке вы находите, вместе с папирозами, либо вышитые воротнички, либо браслеты из лент, либо широкие ленты для галстучков, либо серебряные вещицы для шитья, перламутровые ножики для разрезания книг, порткрёйны, модные принадлежности для письменного стола, лорнетки, бинокли, порт-сигары, порт-моне, словом, всякого рода самые модные и милые подарки! Вы спросите, почему возможна такая щедрость, и не повредит ли это достоинству самих папироз, их отделки, табаку и бумаги? А в этом-то и секрет; здесь все дело в коммерческом расчете; оно может выразиться в двух словах: фабрикант вместо того, чтоб делать уступку процентов мелким торговцам, употребляет эти проценты на сюрпризы, распродавая свои папирозы в собственном великолепном магазине, на Невском проспекте, между Литейною и Грязною улицами, в доме Логинова. Магазин помещается в новоотделанном доме, в первом этаже, окнами на проспект; мебель, шкафы и столы отделаны со всею роскошью, под лакированный дуб; за стеклами стоят в разрисованных картонажах папирозы, сигары и табак.

Фабрика помещается на углу Екатерининскаго канала и Малой Мещанской, в доме Пономаревой. Помещение фабрики, чистота зал, порядок между сотнями рабочих и работниц, выбор заграничных сортов табаку, всё заслуживает полной похвалы.

Многие из покупателей тут же распечатывают ящички и, куря купленные папирозы, любуются сюрпризами. Мы были свидетелями, как один господин распечатал покупку и вынул из угла ящичка, из особенного потайного помещения в нём, прекрасное порт-моне. Это его так заняло, что он купил ещё ящик папироз; в нём он нашел перламутровый ножик, в

эмальированной оправе... Он купил ещё три ящика, вынул из них блондовый воротничок, пару лайковых перчаток, и превосходный заграничный перочинный ножик о семи лезвиях. Он вышел из лавки, запасшись почти полутора тысячью папиросами в роскошных картонках с пятью сюрпризами, которые тут же сам оценил в четыре рубля серебром. По словам многих знатоков, папиросы на этой фабрике делаются из настоящей белой и жёлтой Французской бумаги самого нежного и тонкого сорта, из лучших Мариландских и Турецких табаков, без всякой примеси; без присыпки в них, для дешевизны, Крымского, Испанского и других Европейских табаков.

Ящики с сюрпризами заключают в себе 250 штук папирос, как мы уже сказали. Вещи, составляющие сюрпризы заграничные. Фабрика, получая их из иностранных кладовых оптом и платит поэтому гораздо дешевле того, как они продаются в магазинах, приобретает возможность делать покупателям такие сюрпризы. В ящики с высшими сортами папирос вкладываются и вещи ценнее. Такие ящики, в 250 штук, исключительно продаются в одном магазине г. Достоевского. В этом же магазине, кроме папирос, продаются ещё лучшие гаванские сигары».

МАГАЗИНЪ ТАБАКУ, СИГАРЪ И ПАПИРОСЪ
М. ДОСТОЕВСКАГО

переведенъ за Полицейскій Мостъ, въ д. Фольборга, №6, противъ Малой Морской. Увѣдомляя объ этомъ своихъ покупателей, фабрика М. Достоевскаго вмѣстѣ съ симъ доводитъ до свѣдѣнiя, что она выпустила въ продажу папиросы улучшеннаго приготвленiя. На каждой пачкѣ, равно какъ и на всѣхъ ящикахъ въ 100 шт. и въ 250 шт. такихъ папиросъ стоитъ надпись: **УЛУЧШЕННАГО ПРИГОТОВЛЕНIЯ**. Публика сама усмотритъ эти улучшенiя, состоящiя какъ въ форматѣ папиросъ, такъ и въ выборѣ бумаги и табаку; что касается сюрпризовъ (первоначальныя папиросы съ сюрпризами), то они доведены теперь до возможнаго разнообразiя. Владѣлецъ фабрики въ прошедшее лѣто нарочно для этого былъ за границей и вывезъ изъ Парижа множество превосходныхъ вещей: шерстяныхъ, шелковыхъ, фарфора, хрусталя и проч., которыя теперь и вкладываются въ ящики въ 250 шт.

Сигары въ магазинѣ М. Достоевскаго болѣе чѣмъ двухъ годовыя.

Прежнiй магазинъ М. Достоевскаго, на Невскомъ Пр., въ д. Логинава поступилъ въ другiя руки и фабрика за дѣйствiя его не отвѣчаетъ. —1.

Естественно, среди коллег литераторов и издателей были и откровенные недоброжелатели. Так редакция либерального литературно-художественного сатирического журнала «Искра», которая никогда не жаловала обоих братьев Достоевских, особенно любила нападать на них именно за табачную фабрику.

В стихотворном фельетоне «Сцены из комедии «Литературный маскарад» Владимира Монументова (псевдоним поэта-сатирика Виктора Буренина), появившемся в «Искре» в начале 1863 года, Михаилу Достоевскому посвящены следующие строки, пародирующие строки поэта Аполлона Григорьева:

Достоевскiй, — хвала богамъ! —
Своимъ протеевскимъ талантомъ,
Нанесъ ударъ всѣмъ свистунамъ
И всѣмъ табачнымъ фабрикантамъ!

(«Протеевским» было принято называть образ жизни, состоящий из бесконечного ряда экспериментов и новаций, каждая из которых может быть легко оставлен ради новых психологических поисков).

В другом номере — толи в шутку, толи в серьез — та же «Искра» утверждала, что критик Николай Стахов (псевдоним «Н. Косица»), одно время занимавшийся разбором табака на фабрике Михаила Достоевского, сочинил для рабочих фабрики «корпоративную» песню:

Лучше в мире нет сортов
Достоевских табаков.
Достоевских табаки
Сортом очень высоки.

В целом, дела у Михаила Достоевского шли неплохо, но к сожалению, табачное дело не принесло ему существенных доходов. Хотя конце 1850-х — начале 1860-х семейство Михаила Михайловича жило в достатке — у детей была гувернантка, они держали собственных лошадей, а также устраивали регулярные литературно-музыкальные вечера, на которых собиралось до 30-40 человек гостей.

Однако сам Михаил Михайлович в письме к брату Федору от 18 апреля 1856 года характеризовал себя так: «Но не воображай себе, что я сделался коммерческим и практическим человеком. Увы! Все такой же последний из романтиков, худой и бледный».

Последнее из известных рекламное объявление фабрики Михаила Достоевского, размещенное в газете «Санкт-Петербургские Ведомости» 3 января 1860 года:

Первоначальные папирсы с сюрпризами фабрики М. Достоевского.

Магазин на Невском проспекте, в доме Фольборта, № 6 против Малой Морской.

«Новый и разнообразный выбор сюрпризов, полученных из-за границы с последним пароходом. Сюрпризы состоят преимущественно из вещей мужского и дамского туалетов, перламутровых и фарфоровых изделий, разных паперти, шарфиков, вуалей, галстуков, небольших несесеров, разных письменных принадлежностей и пр.

Сюрпризы эти вкладываются безденежно, в виде премии, в ящики в 250 шт. папирсов. Цена ящикам 2 р. 30 к. и 4 р. 37 к. серебром, смотря по качеству папирсов и сюрпризов. Нередко попадаются сюрпризы, ценностью своею превышающие ценность самих папирсов. Что касается папирсов, то они давно уже оценены публикою; в последнее же время фабрика и в них сделала значительные улучшения.

Желающие купить ящик в 250 штук папирсов без сюрприза получают 50 коп. уступки и платят вместо 2 р. 30 к. только 1 р. 80 к.

На самом деле, причин упадка табачного производства Михаила Достоевского было несколько. В первую очередь, это начавшееся издание «литературного и политического журнала «Время» — в 1861–1864 годах Михаил Михайлович с подачи вернувшегося из ссылки из Фёдора Михайловича. Причем, редакция журнала находится в том же доме, где работает фабрика.

Свои редакторские обязанности Михаил Михайлович также не доверял никому — он трудился без перерывов и отличался удивительной работоспособностью при своем слабом здоровье.

Интересно отметить, что весь костяк редакционной группы журнала «Время» (а после его закрытия и журнала-преемника «Эпоха»), включая Михаила и Фёдора Достоевских, Аполлона Григорьева и Николая Страхова, состоял из завязанных курильщиков, которые иногда даже в качестве гонорара принимали сигары. Подобный «бартер» практиковал, например, поэт Аполлон Григорьев.

Издательское дело и сопутствующая литературная деятельность в журнале все больше увлекали Михаила Михайлович — он почти полностью погрузился в дела редакции и все меньше занимался фабрикой. Тем более, что журнальный бизнес начал приносить определенные доходы — за три года прибыль журнала составила более 65 000 рублей (по расчетам Федора Михайловича). Работа понемногу приобретала формат «оплачиваемого хобби».

К 1861 году журнал «Время» набрал порядка 4 000 подписчиков, сравнявшись по их количеству с популярными «Отечественными записками» и «Русским словом» и стал соперничать с ведущими периодическими изданиями тех лет — двум абсолютным лидерам — «Современнику» Николая Некрасова (7 000 подписчиков) и «Русскому вестнику» Михаила Каткова (5 700 подписчиков).

Николай Страхов отмечал, что успех журнала «Время» содействовал «большой самоуверенности» всех редакции: «Тогда, в 1861 году, все мы очень радовались и собирались усердно работать. Я подал в отставку из гимназии, и Михайло Михайлович собирался закрыть свою табачную фабрику».

Действительно, обрадованный такой ситуацией Михаил Михайлович к началу 1862 года решил постепенно заканчивать с табачным производством, которое к тому времени вызвало финансовые затруднения — помимо всего прочего, сказались экономические проблемы, возникшие в результате Крымской войны (1853-1856), а также нарастающую конкуренцию со стороны иностранных производителей табачной продукции, которая последовала после отмены ряда таможенных пошлин.

Через 10 лет работы на табачной фабрике Михаила Достоевского работало, без учета поденщиц, всего лишь 9 человек — 1 мастер и 8 рабочих (см. сборник «Статистические сведения о фабриках и заводах в СПб в 1862 г.», Вып. I).

— 3 —

НАЗВАНИЕ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ И МѢСТО ИХЪ ПОМѢЩЕНІЯ.	Число масте- ровъ.	Число рабочихъ				произвѣдѣнія выра- ботанныя.		Топливо.		Сколь- ко ра- бочихъ грамот- ныхъ.
		Взрослыхъ съ 15 л.		Малолаѣтн. до 14 л.		Колличе- ство.	На ка- кую сумму.	Колличе- ство.	На ка- кую сумму.	
		м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.					
На углу Екатеринин- скаго канала и Малой Мѣщанской д. Астафье- ва № 1—57, тоже М. Достоевскаго.	1	8	—	—	—	300	3000	30	120	7

Некоторый свет на эту ситуацию с делами Михаила Михайловича также проливает переписка младших братьев Николая Михайловича и Андрея Михайловича Достоевских.

Так в письме от 18 ноября 1862 года Николай Михайлович пишет:

«Почтенный и добрейший наш брат Михаил Михайлович начал свое купеческое поприще за год до моего выхода из корпуса [в 1854 году], и начал блистательно, т. е. начал жить и живет до сих пор прекрасно и счастливо. Награжден от Бога добрейшею женою и прекрасными детьми, и, надо сказать, — прехорошенькими.

*Почти два года назад, т. е. по приезде брата Федора Михайловича, по совету его, начал издавать прекраснейший журнал по своему направлению, «Время». Издают они пополам, т. е. выгоду делят пополам. Все это тебе известно, но что делать, у меня такая привычка, говоря о чем-нибудь, начинать всегда с Адама. Так вот: начали они журнал, который, вероятно, ты получаешь и читаешь, как и я, с наслаждением; подписка на него, т. е. сочувствие публики, с первого же года была огромнейшая. Первый год было две тысячи подписчиков, а в нынешнем году более четырех с половиной тысяч. Казалось бы, тут-то бы и наживать деньги, по крайней мере, по 20 тысяч в год, как по расчету и должно быть, но выходит наоборот. Первая причина, что журнал начат без копейки денег, а во-вторых — по множеству занятий в журнале явились упущения на фабрике. Брат занят с утра до вечера и так, что я удивляюсь, как он не заболит до сих пор. Впрочем, фабрику он хочет передать кому-нибудь или просто закрыть, и тогда в будущем году он сделается Крёзом**, потому что подписка на журнал, судя по теперешнему, будет блистательная. Вот тебе отчет о брате». (см. Л.Р. Ланский «Достоевский в неизданной переписке современников (1837-1881)»)*

Так и случилось — в самом конце 1862 года Михаил Михайлович продал свою табачную фабрику. Табачного фабриканта победил литератор-романтик....

Николай Страхов в «Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском» (1883) писал: *«... Когда журнал пошел с чрезвычайным успехом, он постарался развязаться с невыгодным делом, уплатил долги и продал фабрику. В начале 1863 года я помню, как он похвалился этим, показывая кипу разорванных векселей...»*

Впрочем, супруга Михаила Михайловича Эмилия Федоровна была убеждена, что муж продал табачную фабрику с подачи своего младшего брата и тем самым лишил собственную семью стабильных средств к существованию.

*«Она говорит про меня: «Он нас разорил, мы имели фабрику, жили богато; он приехал [в 1859 году] и уговорил начать журнал» (чтоб печатать свои сочинения, которые в другие журналы не принимали; это прибавляет Владиславлев [философ, супруг дочери Михаила Михайловича] и, вероятно, про «Записки из Мертвого дома»). Но когда я приехал, фабрика была в упадке; папирсы, которые пошли вначале, совершенно лопнули под конец и были задавлены Миллером и Лаферм***; долгов же было пропасть, и он всё охал, предчувствуя банкротство. Всё это может засвидетельствовать Николай Иванович, его приказчик, который и купил на 2-й год журнала [«Время»] у него фабрику за 1000 руб. — всю фабрику! Это не великое богатство», — сокращался Федор Михайлович в письме от 11 декабря 1868 года к поэту Аполлону Майкову.*

К сожалению, установить личность указанного «приказчика Николая Ивановича» не удалось, равно как и дальнейшую судьбу купленной им табачной фабрики. Вероятнее всего, предприятие вскоре прекратило свое существование.

Своими неординарными талантами Михаил Михайлович сумел открыть табачную фабрику, использовать нестандартный маркетинговый подход в продвижении своих продуктов, создать успешный журнал, привлечь к работе группу талантливых публицистов и, возможно главное, дать возможность своему младшему брату шанс вернуться к писательству, стать тем Достоевским, которого знаем и любим. За этим, в определенном смысле, самопожертвованием и кроется тайна русской души, которую Фёдор Михайлович пытался постичь всю свою жизнь.

* — Всего сохранилось три «Книги записей хозяйственных расходов табачной фабрики М. М. Достоевского», которые собственноручно вел Михаил Михайлович с 1852 по 1860 год, записывая ежемесячные платежи (кому, сколько и точная дата). Также в РГБ находятся редакционные и приходно-расходные тетради журналов «Время» и «Эпоха, которые также вел старший Достоевский.

** — Имеется ввиду разбогатеть, стать «обладателем несметных богатств». Выражение происходит от имени легендарного царя Крёза, богатейшего правителя Лидии в Малой Азии.

*** — Имеются ввиду Табачная фабрика «А. Ф. Миллеръ» — одно из старейших производств табачных изделий в России, основанное в 1849 году в Санкт-Петербурге и Табачная фабрика «Лафермъ» (Товарищество фабрикъ табачныхъ издѣлій подъ фирмою «Лафермъ»), основанная в 1852 году. В конце 1860-х годов две этих фабрики были лидерами на российском рынке папирос.

IN MEMORIAM: «Брата моего я любил бесконечно»

«Михаил Михайлович был человек настойчивый и энергический. Он принадлежал к разряду людей деловых, разряду весьма между нами немногочисленному, к разряду людей, не только умеющих замыслить и начать дело, но и умеющих довести его до конца, несмотря на препятствия».

Из дневника Федора Достоевского

Примерно через полтора года после продажи своей табачной фабрики — 10 [22] июля 1864 года — Михаил Михайлович Достоевский скоропостижно скончался на даче в Павловске. Ему было всего 43 года.

Михаил Михайлович Достоевский никогда не отличался богатырским здоровьем, однако, его уход из жизни был скоропостижным. Тогдашняя врачебная практика называла причиной смерти «нарыв в печени и от последовавшего при этом излияния желчи в кровь». Вероятный современный диагноз — цирроз печени.

Критик Николай Страхов в письме своему брату Павлу от 15 июля 1864 года прямо указывал: *«Умер наш редактор, как, верно, милый Паша, ты знаешь уже из газет. Умер Михайло Михайлович прямо от редакторства. Был он слаб и до издания журнала, но журнал его совсем доконал...».*

Смерть брата была тяжелейшим переживанием для Федора Михайловича и чрезвычайно осложнила весь его дальнейший жизненный путь.

Смерть брата была тяжелейшим переживанием для Федора Михайловича и чрезвычайно осложнила весь его дальнейший жизненный путь. Один он не смог справиться с выпуском журнала «Эпоха». Ему не хватало предпринимательских способностей Михаила Михайловича, столь необходимых для занятия издательской деятельностью. Ведь последний при довольно слабом здоровье отличался огромной работоспособностью, организаторским талантом и тащил на себе всю административно-хозяйственную сторону функционирования редакции.

Помня всё добро, сделанное братом и понимая всю свою ответственность за его семью брата, Федор Михайлович совершил благородный поступок — взял на себя все долги умершего Михаила Михайловича, чтобы поддержать его репутацию и честь своей фамилии.

«Сколько я потерял с ним, не буду говорить тебе. Этот человек любил меня больше всего на свете, даже больше жены и детей, которых он обожал... Все дела семейства брата в большом расстройстве. Дела по редакции (огромные и сложные дела) — все это я принимаю на себя. Долгов много. У семейства — ни гроша и все несовершеннолетние... Разумеется, я теперь им слуга. Для такого брата, каким он был, я и голову и здоровье отдам», — писал он младшему брату Андрею в письме от 29 июля 1864 года.

Эти обязательства почти до конца жизни тяготили писателя — ему приходилось много работать, чтобы решить финансовые проблемы. В течение 13 лет Достоевский, уже будучи известным писателем, расплачивался с долгами, которые удалось закрыть только за год до своей смерти.

Михаил Достоевский был погребен на Павловском кладбище. В XX веке оно подверглось разорению (в том числе во время немецкой оккупации 1941–1944 годы), из-за чего время могилы Михаила Михайловича считается утраченной.

Однако в настоящее время установлено примерное местоположение участка, на котором находилась потерянное захоронение.

В воспоминаниях первого директора Музея Ф. М. Достоевского в Москве Веры Нечаевой есть указание, как найти его могилу. Путь к месту погребения был определен со слов дочери Екатерины Михайловны, а также в результате анализа всех имеющихся источников: изучения истории кладбища, его планов 1842, 1866, 1875, 1878, 1897 и 1935 годов, а также метрических книг Придворной церкви Марии Магдалины в Павловске. Благодаря этому энтузиастам-исследователям удалось достаточно точно определить место могилы Михаила Михайловича.

К сожалению, до сего дня никакого памятного знака на месте захоронения так и не установлено...

---///---

РАЗДЕЛ 2

Фёдор Достоевский как афисионадо Штрихи к портрету

Как известно, Федор Михайлович был завзятым курильщиком всю свою жизнь. Его основной «табачный рацион» составляли папиросы и сигары.

Как известно, Федор Михайлович был завзятым курильщиком всю свою жизнь. Курил он много, абсолютно не взирая на своё здоровье. Основной «табачный рацион» писателя составляли папиросы и сигары.

Можно даже разделить путь афисионадо Фёдора Достоевского на четыре очень условных этапа: на каторге и в ссылке (папиросы и американские сигары), в Петербурге рядом с братом (папиросы и сигары фабрики Михаила Достоевского), в заграничных поездках (местные табачные изделия) и последние годы жизни (папиросы и кубинские сигары).

Михаил Михайлович высылал брату Фёдору, находящемуся на каторге и в ссылке, не только деньги и книги, но и табак. Сначала это были его фирменные «папиросы с сюрпризами» и «импортные» сигары. Впоследствии же писатель получал сигары, произведенные на фабрике старшего брата.

«... Да, пришли мне, пожалуйста, сигар, неважных, но американских, и [твоих] папирос, только непременно с сюрпризом...»

Из письма Фёдора Михайловича Михаилу Михайловичу от 22 февраля 1854 года из Омска.

«... Брат мой писал мне, что он ещё весной прошлого года послал мне через Вас некоторые книги, как, например, Святых отцов, древних историков, и из вещей — ящик сигар. Но я ничего не получил от Вас...»

Из письма Фёдора Достоевского от 15 апреля 1855 года из Семипалатинска, адресованное этнографу Евгению Якушкину, сыну декабриста Ивана Якушкина.

«... Любезный друг и брат, получив твое маленькое письмецо, в котором ты уведомлял меня о твоей заграничной поездке, или, лучше сказать, о твоем наскоке на Европу, я не отвечал тебе тотчас, ожидая обещанной присылки сигар (так как ты обещал их выслать с следующей почтой), и тут же разом отвечать тебе. Но ни сигар, ни письма — не было...»

Из письма Фёдора Достоевского брату Михаилу от 3 ноября 1857 года из Семипалатинска.

О них Фёдор Михайлович так писал в ответном письме из Семипалатинска: «Скажу ещё, что твои сигары превосходны...» (письмо от 18 января 1858 года).

Насколько для арестантов бывают важны такие бытовые радости показательна история встречи Фёдора Михайловича с бывшим «петрашевцем» Иваном (Яном Фердинандом) Ястржембским на каторге в Тобольске. Последний вспоминал как его однажды фактически спас Достоевский. Когда их с Фёдором Михайловичем посадили в маленькую темную и холодную камеру, Ястржембский пришел в такое отчаяние, что решил покончить с собой.

«Совершенно нечаянно и неожиданно мы получили сальную свечу, спички и горячий чай, который нам показался вкуснее нектара. У Достоевского оказались превосходные сигары, которых, по счастью, не досмотрел почтенный Иван Гаврилович [жандармский офицер]. В дружеской беседе мы провели большую часть ночи. Симпатичный, милый голос Достоевского, его нежность и мягкость чувства, даже несколько его капризных вспышек, совершенно женских, подействовали на меня успокоительно. Я отказался от всякого крайнего решения». (см «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского», 1883).

Можно уверенно сказать, что сигар и папирос фабрики Михаила Достоевского Фёдор Михайлович выкурил очень много.

По воспоминаниям современников, уже живя в Петербурге Фёдор Михайлович, в большинстве случаев, за работой он курил папиросы, а сигары — после трапезы и на прогулках.

Если полистать записную книжку писателя за 1860-1862 годы, которая хранится в фондах Российской государственной библиотеки, то можно увидеть среди расходов сколько он покупал сигар.

Даже если предположить, что сигары у брата Фёдор Михайлович брал со скидкой, то итоговая сумма за два года всё равно выходит внушительная.

Нижеприведенная расшифровка даже двух страниц наглядно это показывает (см. «Неизданный Достоевский», 83 том серии «Литературное наследство»).

[За еду] обед в Hôtel Paris	—10 р.	примерно (minimum)
	<u>—36</u>	
Итого	—2 р.	
За еду в Парголово		
	<u>38 р.</u>	
Старухе	— 1 50	} Итого 3.50//
Извозчик в Петер.	— 1	
В саду	— 1	
38		
3—50		
41 р. 50	— Итого, истрачено на денег Мих(аила) Гаврилыча мною к 31-му июля —41 р. 50 к.	
Извозчик и фрукты	— 1 50	
Моллеру	— 1	
	<u>44</u>	
Мои денег у брата было:		
Сперва	—200 р.	
И потом	—500 р.	
	<u>Итого</u>	—700 р.
Взято у б(рата)		— 25 р.
Итого <i>за ним</i>		—675 р.
Взято		— 10
		<u>—665</u>
Взято детям		— 20 к.
Итого		—664 80 к.
13 августа взято у Э(милли) Ф(едоровны)		— 25
		<u>—639 80 к.</u>
Да прежде того для Баканина		— 30
Итого		—609 р. 80 к.
18 августа		— 50
да вчера взято	— 3	
При переезде	—15	
Итого	<u>—18 *</u>	
		—559 р. 80 к.
504		— 25
18		— 30
<u>486</u>		<u>—504 //</u>
<i>Другой счет</i>		
Итого, кроме счета портному:		
Без сигар взято у брата <i>по 25 июля</i>		—1219 р.
С сигарами		— 126 50
	<u>Итого</u>	—1345 50
Счет портного 18 августа 61 года		— 169 р.
Итого, к 20 августа		—1345 р. 50 к.
Счет портн(ого)		— 169 р.
Итого	<u>—1514 50</u>	

* Этот подсчет повторен рядом.

Да еще сиг(ар) и папирос по последнему счету—11		20-го августа
Итого, <i>всего</i> 1525 50 <i>на всё</i>		
Страница 17-я //		
До рубля детям и проч.		
Всего на все —1525-50		
— 17-50 коп. Давыд(ову?)		
Всего	1543— на все, кроме <i>нового счета</i> сигар	
	17 сентября 450	
	взято 120	
	<u>330</u>	
	15	
	<u>315</u>	
12 сент(ября)	—504	—471
	— 18	— 20 14 сентября
	<u>—486</u>	<u>—451</u>
	— 10	
	<u>—476 р.</u>	
		Театр 12 числа — 1
		<u>Итого —450</u>
Да прежде	— 5 р.	
	<u>—471 р.</u>	
17-е сентября	—450	
Взято	—120	
	<u>—330</u>	
	— 15	
	<u>—315 //</u>	
Ст(арый) долг —126 50 к. (вошел в общий счет).		
Сигары и папиросы (новый счет)		— 1 25
От 25 июля ящик папирос		— 6
сигар		— 2 50
К 12 августа 2 ящ(ика) папир(ос)		<u>— 9 р. 75</u>
		Итого Папир(ос)
		— 1 25
		<u>— 11 р.</u>
<i>По новому счету</i>		
К 30 августа 2 ящика папирос		— 1 25
ящик сигар		— 6
		<u>— 7 25</u>
К 15 сент(ября) еще 3 ящ(ика) папир(ос)		— 3 75
		<u>— 11 р.</u>
К 25 (сентября) 2 ящика папир(ос)		— 1 25
сигар		— 6
		<u>— 18 р. 25 к.</u>
		— 6
		— 6 25
		<u>30 р. 50 к.//</u>
	Сигар	
	Папирос 5 ящик(ов)	
К 17 сентябрю оставалось за братом из взятых им		—315 р.
700 р.		— 10
	Еще взято	— 14
	Еще	— 6
	Еще	— 10
И к 25 сентябрю еще		— 40
Итого, к 25 сентябрю остается за братом:		<u>—315 р.</u>
		— 40
		<u>—275 р.</u>

Мария Колосова | Российская государственная библиотека

Ещё из предметов материальной культуры, можно упомянуть, что в коллекции Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственный литературный музей) имеется коробка из-под кубинских сигар A Gracia de Cuba de Alonso Sartano (Гавана, 1879), принадлежавшая Федору Михайловичу.

Здесь надо отметить, что только в 1879 году Фёдору Михайловичу удалось расплатиться со старыми долгами. К тому времени, его книги уже приносили хороший стабильный доход и позволяли содержать семью в достатке. Избавившись от столь тяжелого груза, писатель мог позволить и себе больше, чем раньше.

Так в записной книжке Анны Достоевской за 1881 год находим следующее интересное наблюдение о пристрастиях супруга: «... После поездки в Москву на Пушкинское торжество* [в 1880 году] он бросил папирсы и курил [только] сигары, уверяя, что гораздо меньше теперь кашляет. Сигары были хорошие, дорогие, 25 штук 6 руб. и дороже...».

Эту свою поездку в Москву на Пушкинские торжества в конце мая – начале июня 1880 года Фёдор Михайлович подробно описывал в письмах к супруге Анне Григорьевне.

Так в письме от 25 мая о торжественном обеде в его честь, Достоевский пишет: «... Утонченность обеда до того дошла, что после обеда, за кофеем и ликером, явились две сотни великолепных и дорогих сигар. Не петербургски устраивают...»

26 мая Достоевский был на вечере у издателя журнала «Русская мысль» Вукола Лаврова. На следующий день Фёдор Михайлович в письме Анне Григорьевне восторженно сообщал: «Вчера, по настоятельному приглашению, был на вечере у Лаврова. Лавров — это мой страстный, исступленный почитатель, питающийся моими сочинениями уже многие годы. Он издатель и капиталист «Русской мысли». <...> Ужин был как большой обед, утонченно приготовленный, с шампанским. После ужина шампанское и сигары в 75 руб. сотня. (Обед 3-го дня был по общей подписке, весьма скромный, не свыше 3-х руб. с персоны, но всю роскошь, цветы, черепаший суп, сигары, залу — всё это Лавров прибавил уже от себя.)»

27 мая во время Достоевский заехал к критику и издателю «Русского вестника» Михаилу Каткову, чтобы договориться об «отсрочке» сдачи «Братьев Карамазовых» до июльского выпуска.

«Он выслушал всё очень дружественно (и вообще был донельзя ласков и предупредителен, как никогда со мной прежде) <...>. В этот раз я у него чаю не пролил, зато потчевал дорогими сигарами. Провожать меня вышел в переднюю и тем изумил всю редакцию, которая из другой комнаты всё

видела, ибо Катков никогда не выходит никого провожать...», — написал Фёдор Михайлович на следующий день Анне Григорьевне.

4 июня 1880 года Достоевский встречался с драматургом Михаилом Лентовским, который *«потчевал его [сигарой] сторублевой сотня, т.е. в один рубль»* (см. записную книжку Анны Достоевской за 1881 год).

6 июня после «литературного» обеда восторженная московская молодежь просто не давала Достоевскому прохода. В письме супруге от 7 июня 1880 года Фёдор Михайлович так описывал эти события: *«... Затем уже в другой зале обсели меня густой толпой — много и горячо говорили (за кофеем и сигарами)...»*.

Судя по всему, о любви Фёдора Михайловича к сигарам знали довольно многие. И это очень характерные штрихи к портрету Достоевского как настоящего афисионадо

Вероятно, одну из последних записей о покупке сигар можно найти в записной тетради Фёдора Михайловича за 1880-1881 годы: *«... Сигары в 130 р. сотня от Фейко (у Фейка есть такие сигары)»*. Здесь имеется ввиду известная в то время торговая фирма «Фейк и К°», чей табачный и винный магазин «Фейк и К°» на Невском проспекте в доме 20 (существовал до 1918 года), славился широчайшим ассортиментом кубинских сигар.

Как ни странно, но не существует ни одной фотографии, на которой бы Фёдор Михайлович был бы запечатлен курящим. Впрочем, как нет и снимков Михаила Михайловича за курением...

* — Пушкинские торжества, прошедшие в июне 1880 года Москве, были приурочены к открытию памятника Александру Пушкину. Ради этого события в Москве собрались Фёдор Достоевский, Иван Тургенев, Николай Островский, Алексей Писемский, Дмитрий Григорович, Аполлон Майков, Иван Аксаков и многие другие писатели и поэты.

В рамках празднований прошло первое собрание Общества любителей российской словесности, где выступали Иван Тургенев и Фёдор Достоевский. Их доклады вызвали широкий резонанс в русском обществе и возвели обоих в ранг «живых классиков».

«Все мужчины в нашем роду курили – и Фёдор Фёдорович, и Андрей Фёдорович, и я. Портретов Достоевского с папирсой не существует, но табачная тема в жизни Фёдора Михайловича Достоевского занимает большое место».
Из интервью Дмитрия Андреевича Достоевского

Фёдор Достоевский и гастрономия

Фёдор Михайлович Достоевский был, безусловно, большим жизнелюбом — он любил женщин, курил сигары и играл в азартные игры. Он любил вкусно поесть, но при этом был относительно равнодушен к кулинарным изыскам.

В своих воспоминаниях его супруга Анна Григорьевна писала: *«Муж любил русскую кухню и нарочно заказывал для меня, петербургской жительницы, местные блюда, вроде московской селянки, расстегаев, подовых пирожков, и притворно ужасался моему молодому аппетиту».*

Выпивал Федор Михайлович нечасто и весьма умеренно. *«Пил красное вино, рюмку водки и перед сладким полрюмки коньяку»*, — также замечала Анна Григорьевна.

Будучи большим любителем сладкого, Достоевский был очень придирчив в выборе десертов и конфет. Всеволод Соловьев в «Воспоминаниях о Ф. М. Достоевском» (1881) писал: *«Он подходил к своему маленькому шкафику, открывал его и вынимал различные сласти: жестянку с королевским черносливом, свежую пастилу, изюм, виноград. Он ставил все это на стол и усиленно приглашал хорошенько заняться этими вещами. Он был большой лакомка...».*

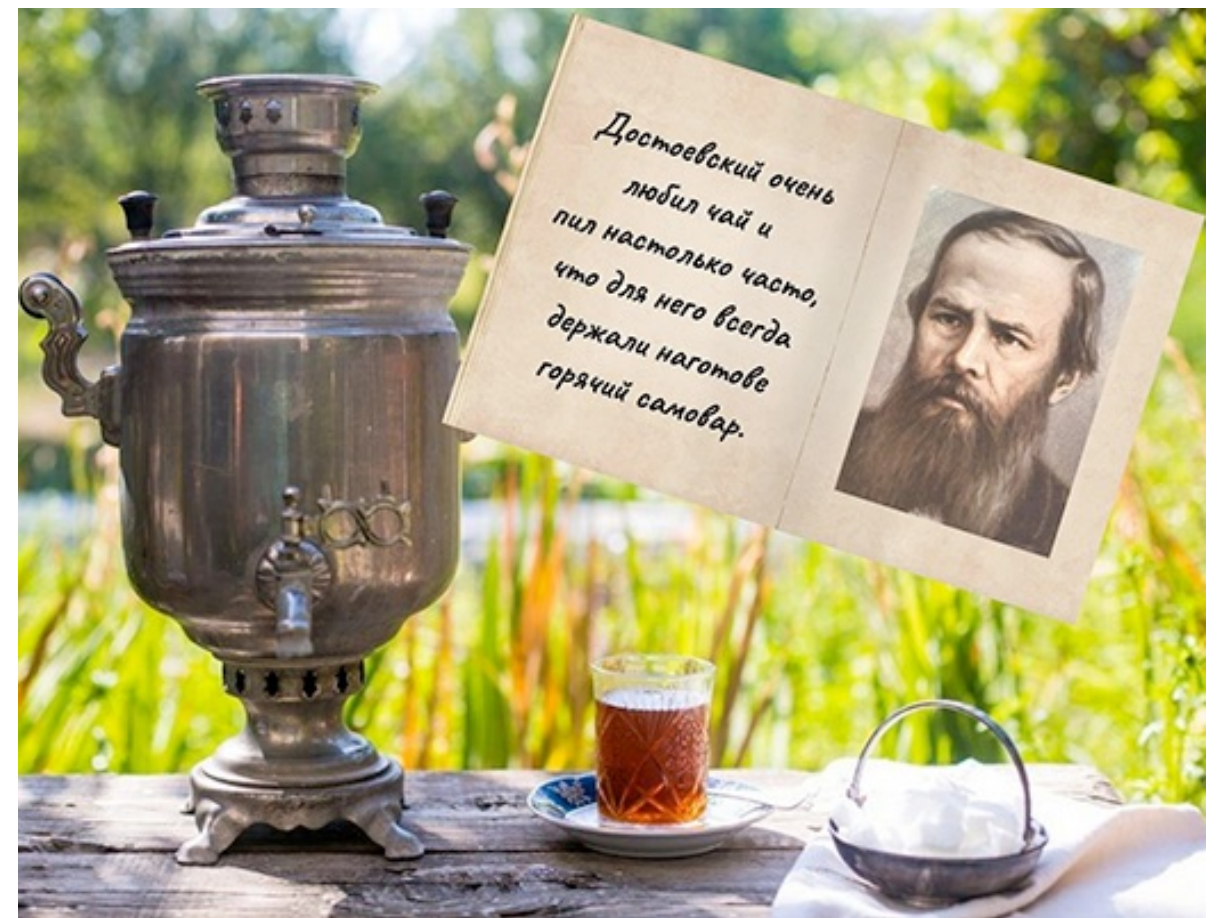
Из напитков Федор Михайловича больше всего любил черный чай. Об этом вспоминали его близкие, друзья и коллеги — Николай Страхов, Михаил Александров, Елена Штакеншнейдер, Степан Яновский и другие.

Как указывают источники, Достоевский строго соблюдал традиционные правила заваривания чёрного чая, следил за цветом и особенно крепостью напитка.

Михаил Александров отмечал: *«Чай Федор Михайлович пил крепкий и сладкий, по несколько стаканов, сидя за своим письменным столом, ходя за каждым стаканом через залу в столовую, где стоял самовар и чайный прибор, и наливая его себе сам...».*

«Чай любил чёрный в 2 р. 40 и всегда его покупал у Орловского, против Гостиного Двора. Любил тульские пряники. Любил пастилу белую, мед непременно покупал в посту, киевское варенье, шоколад (для детей), синий изюм, виноград, пастилу красную и белую палочками, мармелад и также желе из фруктов», вспоминала супруга Анна Достоевская.

Николай Страхов отмечал такие нюансы быта Фёдора Михайловича: *«Писал он почти без исключения ночью. Часу в двенадцатом, когда весь дом укладывался спать, он оставался один с самоваром и, попивая не очень крепкий и почти холодный чай, писал до пяти и шести часов утра».*

РАЗДЕЛ 3

Сигарная тема в творчестве братьев Достоевских

Сигары в произведениях обоих братьев Достоевских, естественно, встречаются — многие из героев их произведения курят. Однако, какую-то значимую роль, увы, не играют.

Фёдор Достоевский

Впервые Фёдор Михайлович упоминает курение сигар в повести «Двойник» (1846): «... На шею незнакомца был орден, а во рту сигарка. Незнакомец курил и, не вынимая сигары изо рта, значительно кивал головою, взглядывая по временам на господина Голядкина...»

Затем в повести «Белые ночи» (1848) произведении находим: «... Все проезжие смотрели на меня так приветливо, что решительно чуть не кланялись; все были так рады чему-то, всё до одного курили сигары...».

Можно ещё вспомнить Настасью Ивановну из повести «Записки из мертвого дома» (1862): «... Прощаясь, она вынесла нам по сигарочнице на память. Эти сигарочницы она склеила для нас сама из картона (уж Бог знает как они были склеены), оклеила их цветочной бумажкой, точно такую же, в какую переплетаются краткие арифметики для детских школ (а может быть, и действительно на оклейку пошла какая-нибудь арифметика)».

В «Преступлении и наказании» (1866) сигару закуривает лишь Аркадий Свидригайлов, который преследовал сестру Родиона Раскольникова Дуню, а также случайно подслушал его исповедь об убийстве «старухи-процентщицы» Алёна Ивановна и пытался этим шантажировать семью Раскольниковых.

«... наконец-то в кабинете один остался, закурил сигару, задумался...»

Князь Лев Мышкин в романе «Идиот» (1869), как вероятно и генерал Иван Епанчин, курит сигары, о чём мы можем узнать по следующему изложению: «... Изложением системы лечения Шнейдера и рассказами князь до того заинтересовал доктора, что тот просидел два часа; при этом курил

Также в этом романе есть забавная история знакомства отставного генерала Ардалиона Иволгина с Настасьей Филипповной Барашкиной, в которой фигурирует сигара:

«— Глупая история, и в двух словах, — начал генерал с самодовольством. — Два года назад, да! без малого, только что последовало открытие новой — ской железной дороги, я (и уже в штатском пальто), хлопоча о чрезвычайно важных для меня делах по сдаче моей службы, взял билет, в первый класс: вошел, сижу, курю. То есть продолжаю курить, я закурил раньше. Я один в отделении. Курить не запрещается, но и не позволено; так, полупозволяется, по обыкновению; ну, и смотря по лицу. Окно спущено Вдруг, перед самым свистком, помещаются две дамы с болонкой, прямо насупротив; опоздали; одна пышнейшим образом разодета, в светло-голубом; другая скромнее, в шелковом черном с перелинкой. Недурны собой, смотрят надменно, говорят по-английски. Я, разумеется, ничего; курю. То есть я и подумал было, но, однако, продолжаю курить, потому окно отворено, в окно. Болонка у светло-голубой барыни на коленках покоится, маленькая, вся в мой кулак, черная, лапки беленькие, даже редкость. Ошейник серебряный с девизом. Я ничего. Замечаю только, что дамы, кажется, сердятся, за сигару, конечно. Одна в лорнет уставилась, черепаховый. Я опять-таки ничего: потому ведь ничего же не говорят! Если бы сказали, предупредили, попросили, ведь есть же, наконец, язык человеческий! А то молчат... вдруг, — и это без малейшего, я вам скажу, предупреждения, то есть без самомалейшего, так-таки совершенно как бы с ума спятила, — светло-голубая хват у меня из руки сигару и за окно. Вагон летит, гляжу как полоумный. Женщина дикая; дикая женщина, так-таки совершенно из дикого состояния; а впрочем, дородная женщина, полная, высокая, блондинка, румяная (слишком даже), глаза на меня сверкают. Не говоря ни слова, я с необыкновенною вежливостью, с совершеннейшею вежливостью, с утонченнейшею, так сказать, вежливостью, двумя пальцами приближаюсь к болонке, беру деликатно за шиворот и шварк ее за окошко вслед за сигаркой! Только взвизнула! Вагон продолжает лететь...

— Вы изверг! — крикнула Настасья Филипповна, хохоча и хлопая в ладошки как девочка.

— Bravo, bravo! — кричал Фердыщенко. Усмехнулся и Птицын, которому тоже было чрезвычайно неприятно появление генерала; даже Коля засмеялся и тоже крикнул: "Bravo!"

— *И я прав, я прав, трижды прав!* — с жаром продолжал торжествующий генерал, — *потому что если в вагонах сигары запрещены, то собаки и подавно.*

— *Браво, папаша!* — восторженно вскричал Коля, — *великолепно! Я бы непременно, непременно то же бы самое сделал!*

— *Но что же барыня?* — с нетерпением допрашивала Настасья Филипповна.

— *Она? Ну, вот тут-то вся неприятность и сидит,* — продолжал, нахмурившись, генерал, — *ни слова не говоря и без малейшего как есть предупреждения, она хватъ меня по щеке! Дикая женщина; совершенно из дикого состояния!*

— *А вы?*

Генерал опустил глаза, поднял брови, поднял плечи, сжал губы, раздвинул руки, помолчал и вдруг промолвил:

— *Увлёкся!*

— *И больно? Больно?*

— *Ей-богу, не больно! Скандал вышел, но не больно. Я только один раз отмахнулся, единственно только чтоб отмахнуться. Но тут сам сатана и подвертел: светло-голубая оказалась англичанка, гувернантка или даже какой-то там друг дома у княгини Белоконской, а которая в черном платье, та была старшая из княжон Белоконских, старая дева лет тридцати пяти. А известно, в каких отношениях состоит генеральша Епанчина к дому Белоконских. Все княжны в обмороке, слезы, траур по фаворитке болонке, визг шестерых княжон, визг англичанки, — светопреставление! Ну, конечно, ездил с раскаянием, просил извинения, письмо написал, не приняли, ни меня, ни письма, а с Епанчиным раздоры, исключение, изгнание!*

— *Но позвольте, как же это?* — спросила вдруг Настасья Филипповна. — *Пять или шесть дней назад я читала в «Indépendance»** — а я постоянно читаю «Indépendance» — *точно такую же историю! Но решительно точно такую же! Это случилось на одной из прирейнских железных дорог, в вагоне, с одним французом и англичанкой: точно так же была вырвана*

сигара, точно так же была выкинута в окно болонка, наконец, точно так же и кончилось, как у вас. Даже платье светло-голубое!»

В романе «Бесы» (1872) вскользь упоминаются кубинские сигары: «... Возвратясь в номер уже около полуночи, он потребовал шампанского, гаванских сигар и заказал ужин из шести или семи блюд».

В том же произведении Фёдора Михайловича есть ещё один эпизод с сигарами: «...Только что он [помещик Степан Верховенский] вошел к себе и, в хлопотливом раздумье, взяв сигару и ещё не успев ее закурить, остановился, усталый, неподвижно пред раскрытым окном, приглядываясь к легким, как пух, белым облачкам, скользившим вокруг ясного месяца, как вдруг легкий шорох заставил его вздрогнуть и обернуться...».

Также можно упомянуть очерк «Маленькие картинки (В дороге)» (1874): «... Он ещё тридцать лет назад приходил к известному министру, в прошлое царствование, а потом к генерал-губернатору Б--ву, жаловаться на его родственника, вот что отличился недавно своими мемуарами, и Б--в тотчас же посадил его с собой курить сигары. Таких сигар он потом никогда не курил. Конечно, ему лет пятьдесят на вид, так что он может помнить и Б--ва, но вчера еще он провожал известного жида Ф., только что бежавшего за границу, и тот в последнюю минуту разлуки открыл ему все свои последние тайны, так что только он один во всей России и знает теперь всю подноготную всей этой истории. Пока дело шло о Б--ве, все ещё были спокойны, тем более что и рассказ-то вышел из-за сигар; но при имени Ф. самые даже солиднейшие из слушателей принимают особенно заинтересованный вид; даже наклоняются несколько к рассказчику и слушают с алчностью, и при этом без малейшей даже зависти в том, что рассказчик в дружбе с таким высшим жидом, а они нет...».

Последний раз табачная тема всплывает в фантастическом рассказе «Кроткая» (1876): «... В этот раз, то есть от Мозера, она принесла сигарный янтарный мундштук — вещица так себе, любительская, но у нас опять-таки нечего не стоящая, потому что мы — только золото...».

* — Имеется в виду газета «Indépendance Belge» («Бельгийская независимость»), выходившая в Брюсселе с 1830 по 1937 год и широко освещавшая политическую и общественную жизнь Западной Европы. Достоевский читал её в 1867-1868 годах, когда работал над романом «Идиот».

Михаил Достоевский

Сигарная тема в творчестве Михаила Михайловича ограничивается незаконченным романом «Деньги» (1849-1852), который был опубликован лишь частично.

Оставшееся в рукописи произведение старшего Достоевского заслуживает внимания по многим его связям с творчеством брата — именно Михаил Михайлович определил некоторые тематические узлы, которые Фёдор Михайлович со временем раскроет с гораздо большей глубиной. Помимо этого, роман пропитан экономическим детерминизмом и будет ещё интересен как отражение того периода становления русского капитализма.

Начав свой роман в 1849 году, Михаил Михайлович не торопился его дописать, признаваясь, что новое произведение требует от него «большую сосредоточенность мысли». Как следует из названия, автор ставил себе задачу вскрыть власть денег над людьми, их психологией, поступками и судьбой в разных слоях общества.

Работа над романом совпала в жизни Михаила Достоевского с началом его предпринимательской деятельности, что определенным образом повлияло на его написание.

Роман дает как бы вертикальный разрез такой прослойки общества, главный смысл коей заключается в извлечении прибыли и накоплении богатств. Эта прослойка представляется автору как бы лестницей, на различных ступенях которой размещаются различно обеспеченные и различно приспособленные к наживе люди. К этому миру «банкиров и капиталистов, золотопромышленников, биржевых спекулянтов, разного рода заводчиков и фабрикантов» изо всех сил стремится один из главных героев романа Дмитрий Нерадов. Он ещё новичок и не достаточно богат в глазах высшего круга. Однако ум и честолюбия постепенно продвигают его к успеху. «Спекулянт, делец, барышник... только бы барыш дали, он за всякие дела возьмется» — так характеризует его главное действующее лицо романа Алексей Похлебкин, «бывший купец третьей гильдии, а ныне городской обыватель». Обедневший Похлебкин завидует его удаче и считает Нерадова врагом. При этом, он сам — не последняя ступень на той общественной лестнице. В сам низу — мелкий табачный торговец мещанин Иван Носков, про которого сам автор пишет, что тот «на мудреной лестнице общественной иерархии» занимал самую низкую ступеньку и, «если б

Носков был в большой мере одарен от природы здравым смыслом, он давно бы увидел, что ему, Носкову, и семерым потомкам его жить более никак не следовало».

В обратной пропорции к финансовой обеспеченности, сметливости и оборотистости наделены герои способностью к искреннему чувству. Всех тоньше, чувствительнее, деликатнее именно забитый Носков, много грубее Похлебкин, но и он имеет бескорыстные порывы чувств. В Нерадове же полное торжество расчета над чувством: его мораль и совесть отравлены корыстью. В своем благоговении перед деньгами он признается открыто, да и автор говорит о нем: «*Всё его самолюбие заключалось в деньгах, и все его желания приняли биржевой оттенок*». И только одно лицо романа не находится под всемогущей властью денег. Это дочь Похлебкина — Лиза, которую истинное, большое чувство любви ограждает от их власти.

Если судить по сохранившемуся черновикам и записям, то именно борьбой чистых чувств с могуществом денег, очевидно, планировал Михаил Михайлович закончить своё произведение, базирующееся на классической любовной интриге — романом между выходцами из разных социальных слоев.

«Вскорѣ послѣ того, какъ братья Нерадовы такъ одновременно возвратились къ себѣ домой, въ квартирѣ старшаго брата, расположенной въ третьемъ этажѣ, происходила слѣдующая сцена.

Нерадовъ-старшій или нижній, какъ прозвали его Похлѣбкины, сидѣлъ за письменнымъ столомъ и писалъ, а младшій помѣщался на одномъ изъ разставленныхъ противъ стола креселъ и ничего не дѣлалъ, а все что-то ѣжился, какъ-будто намѣревался что-нибудь сказать, или сдѣлать.

— Извини пожалуйста, говорилъ старшій братъ, не переставая работать, дѣлъ такая пропасть...

— Такъ я ужъ лучше послѣ, братъ,... въ другое время...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! сиди пожалуйста; я очень радъ, что ты зашолъ ко мнѣ... я сей часъ кончу — вотъ сигары!

Онъ толкнулъ къ нему ящикъ съ сигарами и продолжалъ писать; братъ, закуривъ сигарку, снова усѣлся на прежнемъ мѣстѣ».

Специалист по русскому символизму итальянский профессор Гуидо Карпи (Guido Carpi) в своей книге «Достоевский-экономист. Очерки по социологии литературы» (2012) так описывает «отношения» Похлебкин и сигары в романе «Деньги»: «Сигара вызывает у Похлебкина двойственное ощущение притяжения-отталкивания с очевидными невротическими чертами — позднее оно будет часто возникать у героев Федора Михайловича: среди многочисленных предметов-фетишей, связанных с тягой к (само)унижению и (само)разрушению, у Достоевского мы неоднократно встречаем именно сигарки — сопряженные с ними эротические ассоциации характеризуют, например, соблазителя Вельчанинова в «Вечном муже», бахвальство генерала Иволгина в «Идиоте», единственную (несостоявшуюся) попытку соблазнения Варвары Петровны со стороны Степана Трофимыча; призрак Марфы Петровны, навещающий мужа и женоубийцу Свидригайлова, вызван именно дымом его сигарки».

Так это или не так, судить читателю.

«Но что всего больше щекотало его воображение, так это цигарка, нескромно высунувшаяся изъ лежащей на столъ цигарочницы и смотрѣвшая на него съ такимъ глупымъ равнодушіемъ, что Похлѣбкинъ ощутилъ неодолимое желаніе закурить её. Но онъ никогда не курилъ ни табаку ни сигаръ и Нерадовъ зналъ это. Кажется зналъ. Взять её просто со стола да и закурить ему казалось невѣжливымъ и неприличнымъ, попросить у Нерадова мѣшала ему его обычная робость... а сигарка, казалось такъ и поддразнивала его и какъ-будто говорила: а вотъ и незакуришь! И что-же? Самъ Нерадовъ очень хорошо знавшій, что онъ некуритъ, Нерадовъ, котораго такъ долго нужно было умаливать иногда о какихъ нибудь десяти цѣлковыхъ, тотъ самый Нерадовъ вдругъ ни съ того ни съ другого, какъ какой нибудь чародѣй, угадывавшій мысли и желанія человѣческія — предлагаетъ ему закурить сигару. Вы-бы, говоритъ, Алексѣй Миронычъ, покурили. Вотъ сигары, а вотъ папирсы!»

— Да я не курю, Матвѣй Ѳеодоровичъ, отвѣчаетъ съ чуть-слышнымъ радостнымъ смѣхомъ Похлѣбкинъ.

— Попробуйте, можетъ-быть понравится. Сигары гаванскія.

— Развѣ что попробовать, Матвѣй Ѳеодоровичъ... Какія такія гаванскія...

И Похлѣбкинъ встаетъ съ креселъ, ставитъ свою новую шляпу на письменный столъ и двумя пальцами осторожно беретъ искусительную сигару, и, покраснѣвъ вертитъ въ рукахъ, не зная гдѣ взять огня. И опять Нерадовъ, тотъ самый нижній Нерадовъ выручаетъ [Похлѣбкина] его, подаетъ ему свою дымящуюся сигару и Похлѣбкинъ, краснѣя отъ замѣшательства, закуриваетъ наконецъ..... и снова садится на свое прежнее мѣсто. Онъ кашляетъ отъ дыма, но это ничего, ему пріятно даже и кашлять отъ дыма...».

Вместо послесловия

Немного метафизики

Философы считают, что созданное однажды, не исчезает бесследно.

И даже, стираясь из памяти, оно остаётся существовать на незримых для нас уровнях в особой кладовой вселенной, работая в своей особой логике, постичь которую нам практически не дано.

Возможно, так и случилось с сигарой, созданной на Погарской фабрике в честь братьев Достоевский.

Стоит для начала обратить внимание на некоторые факты и даты, постаравшись разглядеть в них чуть уловившую мистическую связь.

В 1839 году — году кончины Михаила Андреевича Достоевского, отца Михаила и Фёдора — в Риге (Лифляндская губерния, Российская империя) была основана табачная мануфактура Koffsky & Kunchczynski.

В 1864 году — году смерти Михаила Михайловича Достоевского — купец первой гильдии Александр Густав Рутенберг стал совладельцем табачной фабрики «Koffsky & Kunchczynski».

В 1881 году — году ухода Фёдора Михайловича Достоевского — фабрика «Koffsky & Kunchczynski» изменила название на «A.G. Ruhtenberg».

И хотя на первый взгляд между этими событиями нет прямой связи, такие совпадения иногда могут служить некой отправной точкой для метафизических переплетений.

По свидетельству Анны Григорьевны Достоевской, супруги Фёдора Михайловича, первые воспоминания писателя относятся к 1823 году и одно из таковых, как он со своей матерью причащался в церкви, а «голубок пролетел из одного окна в другое».

Ровно через 200 лет от вышеописанного случая — в начале 2023 года — на чердаке исторического здания Погарской фабрики, совершенно случайно была найдена оригинальная пресс-форма для изготовления сигар, сохранившаяся со времен работы табачной фабрики «A.G. Ruhtenberg», предшественницы современного табачного предприятия в Погаре.

Можно ли считать это событие, предсказанное светлым посредником между Небом и Землей, божественным промыслом, судить только вам, но факт остаётся фактом.

В настоящее время трудами «Погарской сигаретно-сигарной фабрики» в старинном русском городе Погар, с использованием той обретенной исторической пресс-формы, вручную создаются замечательные русские сигары «Достоевский», которыми мы имеем возможность наслаждаться сегодня...

Михаил Пашаев © / при участии Дмитрия Грибова

ПРИЛОЖЕНИЕ

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Съ портрета принадлежащаго Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Михайловичу.

То время, та эпоха...

Царствования Императоров Николая I и Александра II

Так называемая «Николаевская эпоха» — сороковые годы XIX века — это очень интересное время, которое смело можно назвать аналогом «викторианской эпохи» в Англии.

Британская королева Виктория (1819-1901), правившая 63 года, действительно была строгой правительницей. В годы её нахождения у власти суровые законы империи довольно жёстко ограничивали курильщиков в их пристрастиях.

Похожая ситуация была и при Императоре Николае I (1796-1855)— в Николаевской России также действовали строгие антитабачные законы. Так «Табачным уставом» от 1848 года запрещалось курение в общественных местах и даже на улице. Каралось крупным денежным штрафом и в первую очередь было обусловлено пожарной безопасностью.

Однако само курение табака оставалось очень популярным. В том числе и в самом ближайшем окружении Николая Павловича, включая двух его родных младших братьев — Константина и Михаила, а также сына — наследника Цесаревича Александра, будущего Императора Александра II. Все они курили сигары.

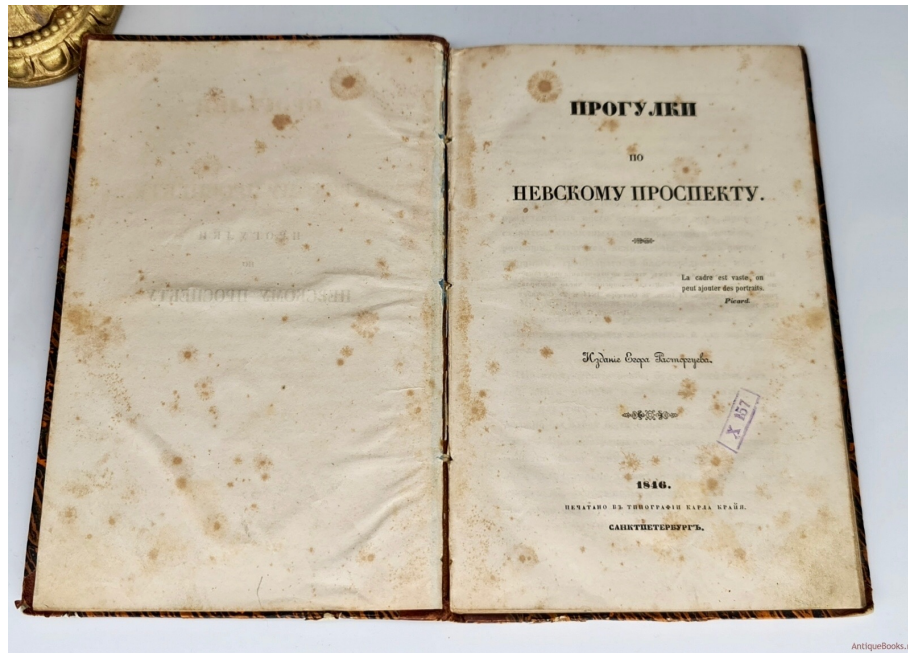
И это при том, что сам Государь Николай I, согласно воспоминаниям баронессы Марии Фредерикс, «никогда не курил, но и не любил, чтоб и другие курили».

Уже ко второй половине XIX века наша Российская империя была огромным сигарным рынком — количество произведенных отечественных сигар достигало нескольких миллионов.

Если в 1842 году только в Санкт-Петербурге действовало 26 табачных производств, с общим оборотом более 50 тысяч пудов разного табака и до 500 000 сигар, то к концу XIX века в России насчитывалось 272 фабрики.

Ярким свидетельством этого наблюдения является книга столичного русского бытописателя Егора Расторгуева «Прогулки по Невскому проспекту», изданная в 1846 году.

Она представляет собой небольшой путеводитель (всего 131 страница), состоящий из 16-ти т.н. «прогулок» (в 23-х главах), описывал главный парадный проспект блистательного Санкт-Петербурга, уделяя пристальное внимание различной столичной торговле, сфере услуг и местам увеселений.

«Прогулка» под девятым номером озаглавлена «СИГАРЫ» и посвящена сигарной торговле на Невском проспекте. Помимо полезной (на тот момент) информации, она снабжена чередой «околосигарных» философствований автора, добрая часть довольно любопытна.

В описываемые годы на Невском проспекте действительно было немало адресов, где продавались сигары. Например, можно отметить старейшую петербургскую табачную лавку Корнелиуса Тен-Кате в доме 18 (согласно городской легенде, именно в ней Император Александр II самолично покупал сигары); магазин «Карл Самсон» (угол Невского и Малой Конюшенной, дом 14/26); лавку Товарищества фабрик табачных изделий «Лаферм» в доме 46; табачный магазин фирмы «Фейк и К^о» в домах 20 и 54; Дом торгового товарищества «Братья Елисеевы» в доме 56; магазины Торгового дома «Наследники Г. С. Семёнова» в домах 82 и 128, а также лавку

«Товарищества Табачной фабрики А. Н. Шапошникова и К^о» на Караванной улице, рядом с Невским.

«Ежели идти по Невскому проспекту, то на любой стороне, начиная от первого дома до самого Аничкова моста, можно увидеть во всяком даже роскошном магазине модных вещей и материй — продажу иностранного табака и сигар, под названиями американских, гаванских, гималайских. Отчего же теперь самые богатейшие магазины не гнушаются торговать таким товаром, которым сперва занимались только «табашные лавочки»?»

Известно, что до Петра I, нюхать и курить табак считалось за грех, за преступление и по законам даже полагалось тяжкое наказание уличенным в сём деле. Пётр I-й уничтожив это запрещение, предоставил нюхать и курить табак всякому. Сам он и в ассамблеях и угощая иностранцев курил табак из «голландских» трубок. За всем тем в те времена табак курили более иностранцы; русские табак нюхали, даже многие из простого народа клали себе за щеку, но курили мало; о сигарах же понятия не имел и даже в начале и нынешнего столетия. Лет за тридцать в Петербурге было девяноста-три табашных лавки и магазина, во большую часть была в них продажа табака нюхательного, русского и иностранного, весьма немного курительного голландского и турецкого.

Вдруг с величайшею прогрессию посыпались у нас сигары и картузы курительных табаков. Быстрым полётом влетала в нашу землю страсть курения и в течении нескольких лет распространилась привычка курить табак и сигары не только в Петербурге, но во всей России, во всех сословиях, во всех званиях, во всех возрастах. Эта страсть сделалась такою-же необходимостью как пища. По всюду поднялся дым, пускаемый на воздух, по крайней мере, тридцати миллионами русских и разных иностранных обитателей. Между тем творители табака и сигар, пользуясь воспламенившеюся страстью русских к табашному запаху и дыму, понастроили огромные дома, понажили огромные капиталы и заставили догадаться, что сигарочный дым не то, что мыльные пузыри, и при помощи некоторых химических секретов, имеет особенное свойство, сгущаясь превращаться в чистое золото. Смекнув, что вертя сигары, легко наворачивать из них ассигнации, и что производство сигар в России прибыльнее промывки золота в Сибири, сотни сметливых людей устремились учреждать сигарные фабрики. Сигарки зажглись многочисленнее и дым пошел ещё сильнее! —

Трубки и табак выгнаны в губернии, а сигары овладели почти всем Петербургом решительно и без исключения. О чудо, кто теперь в Петербурге не курит сигар! Малой и старой, богатой и бедной, дамы и кавалеры, господа и лакеи, здоровые и больные, погребщицики и магазинщицики, швейцары и мастеровые, генералы и солдаты, военные и статские, в домах и на крыльцах, в гостиных и трактирах, на прогулках и верхом в пешком, на дрожках и в колясках, везде и у всех сигары в зубах, в дым из рта! — Кто курит рублевый сигары и находит их дурными, единственно по капризу; кто курит копеечные и находит приятными оттого, что вовсе не знает в них толку, а курит, подражая только моде!! —

Ни один товар не пошёл в такой быстрой ход, не стал приносить таких огромных выгод как сигары, Отчего? легко понять.... многие знают, многие догадываются, и это можно бы «побольше объяснить, да чтоб гусей не раздражить».... Довольно сказать, что сигары в Петербург во всех домах, сделались такою же потребностью как, хлеб простому народу.

Но этого мало; явились другого рода курения; папиросы, пахитосы и тому подобное; их стали продавать втрое дороже сигар; а модный свет, за модное название, стал платить втрое дороже, не разбирая, что пахитосы и папиросы тот же курительный табак, набитый в соломинки и бумажки.....

А сигары! подумаешь, каких наименования не придумано одним и там же сигарам, делаемым из одного в того же табака в только смачиваемым составом из разных специй: сигары гаванские, Трабукос, Регалия, Манила, это главные роды; а не угодно ли послушать их подразделения? Барелла, Водвиль, Зильва, Перосиер, Дозамикос, Жаке, Кабанос, Лафама, Нунец, Матос, Регес, Баланцуелас, Кабалерос, Канонес, ла Атилла, Медю Регалиа, Лапалма, Таглиони, Сильфида, а ля Кристин, Наполеон, Кедера, Куба, ла Емпреса, де Колорадо, Ланзац, Лакаца-дорес, ла Норма, и прочее и прочее.

Смело можно держать пари сто противу одного, что из тысячи Петербургских курильщицков, едва ли один сумеет отличить каждый сорт. Спрашивая сигар, получают ящик с надписью требуемого сорта; а какие в ящике сигары? и нужды нет! Это напоминает, как многие Петербургские жители требуют «в Английских погребах иностранной виноторговли» Рейнвейну, Дри-Мадеры, Бургонского, Шампанского и получают бутылку — с ярлыком требуемого сорта вина; а что в бутылки, — один только погребщик знает!

Между тем некоторые сорта сигар (разумеется в иностранных магазинах) стоят, безделица! по сту рублей серебром за ящик, даже и дороже... Вот тайна, отчего иностранные пышные магазины на Невскому проспект «не гнушаются» продавать сигары. Вот тайна, отчего фабрики и магазины сигар в Петербурге, бывшие сперва в подвалах и в отдалённых частях города, переселяются на Невский проспект, многие в бель-этажи, а многие в особенные каменные дома. На иных фабриках работаете до триста и более человек рабочих, а на некоторых заведены даже паровые машины, приготовляющие ежедневно несколько тысячь фунтов табаку и сотни тысяч сигар! —

Но обыкновенно, что в России ни делают, то по мнению богатых людей, все не хорошо; а потому для них ни табак, ни сигары здешнего приготовления негодятся, даже делаемые из иностранного табака, а превосходны только сигары, привозимый из заграницы, хотя бы даже и из Русского табака! — (*). В следствии такой моды большого света, щеголеватый, роскошный Петербурге платит иностранцам за ввозимые из чужих краёв сигары и прокуривает на дым иностранного запаха — несколько миллионов рублей ежегодно! На примере в 1839 году привезено было иностранного табака и сигар почти на пять миллионов рублей. Конечно это «ничего» незначит, потому что Россия отправляет в чужие края на сотни миллионов рублей хлеба, сала и железа; надобно же одним куда нибудь сбывать лишние миллионы рублей, а другим как нибудь доставать себе пропитайте. Нынешнее ученые объясняют убедительно, что чем более тратите Государство денег на предметы роскоши и удовольствия, теме яснее доказывается, что та земля становятся богаче. Если это правда, то не о чем и думать!....

(*). При этом случае, надобно вспомнить, что кроме значительного потребления табака в России, вывозится онаго за границу на сотни тысяч рублей, разумеется по самой дешевой цене.»

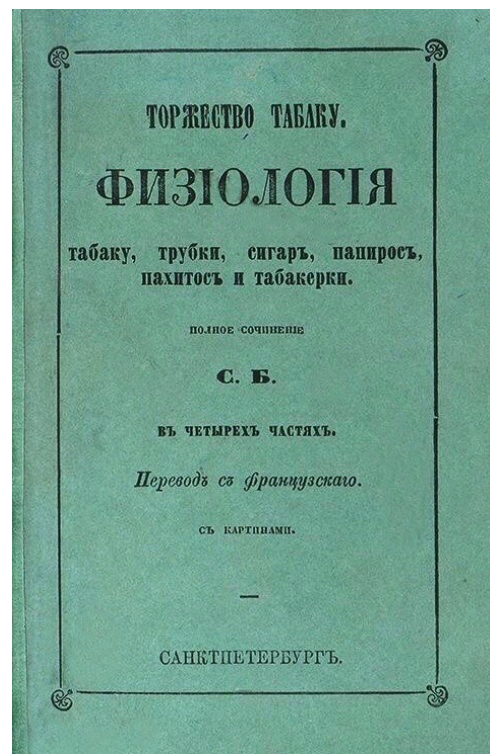
В эпоху Император Александр II, известного своими либеральными взглядами, в определенном смысле, наступила в «оттепель» и в отношении к табакокурения.

Спрос рождал предложение и уже к середине XIX века в России начался настоящий бум табачной промышленности. Например, к 1868 году в столичном Санкт-Петербурге работало более 35 табачных фабрик с годовым оборотом более одного миллиона (тех) рублей.

Настоящим толчком для такого подъема отечественной табачной промышленности, а заодно и поводом к массовому курению в Россию, послужила Крымская война (1853-1856).

Она породила среди её участников ряд новых бытовых привычки, в том числе и «упрощающих» процесс курения. Речь, конечно же, о папиросах.

Папиросы считаются табачным изделием, имеющим российского происхождения. Впервые слова «папиросы» упоминаются в документах в середине XIX века. Первые папиросы в России стала выпускать на табачной фабрики «Торгового дома Асмолова и К^о» в Ростове-на-Дону, которая была основана в 1857 году купцом Василием Асмоловым.

В 1863 году в Санкт-Петербурге была издана ещё одна интересная книга, посвящённая табакокурению. Она так прямо и называлась «Торжество табаку. Физиология табаку, трубки, сигар, папирос, пахитос и табакерки» (в четырёх частях с картинами).

На титуле было указано, что это «Полное сочинение С.Б.», в переводе с французского. (Кто скрывался за инициалами «С.Б.» историкам-букинистам установить не удалось, равно и имя русского переводчика.)

Любопытно, что переводя указанное сочинение, неизвестный переводчик использует слово «курители», а не «курильщики» как принято в настоящее время.

В книги высоким штилем описываются всевозможные виды табака, способы его употребления, также автор дает практические советы «курителям» и пытается предсказать будущее табакокурения, параллельно рассуждая о нюхательном табаке как о лекарственном средстве от праздности и скуки. Без преувеличения можно отметить, что «С.Б.» оставил нам интересный взгляд современника на табакопотребление середины XIX века, как на его практическую, так и «философскую» стороны.

Глава «Сигара» довольно объёмна и разделена на подразделы: Происхождение сигары, Французскія сигары, Гаванскія сигары, Сен-Винцентскія сигары, Негрскія сигары, Ширута, Панатела, Сигаретта (папирозъ и пахитосъ), Исторія сигаретъ, Курители сигаретъ, Способъ приготовленія папирозъ, Пахитосъ, Совѣты курителямъ сигаретъ, Сигаретотипъ, Будущее сигаретъ

Остановимся на ряде моментов про сигары, изложив как цитатами, так и тезисно.

В начале автор философствует о сигаре: «Кто подумал бы, что несколько листочков свернутых без искусства, без симметрии, сделаются со временем после некоторых преобразований потребностью новейшего образования, украшением щегольства, средством развлечения для богача и изобильным источником утешения для бедняка и ремесленника?»

Интересны практические советы автора: «Выбрать хорошую сигару не столь легко, как обыкновенно думают; надо много стараний и долговременная опытность. Не надо брать те сигары, которых конец слишком толст и которые имеет темно-зеленый цвет». И далее: «Преимущественно надо выбирать сигары преимущественно древние, сухие, те которые находятся на самой поверхности пучков, в которых они продаются, лишь бы верхний лист был не испорчен».

Для современного афисионадо советы «С.Б.», скажем прямо, не совсем подходящие — видимо, в те времена были свои нюансы при выборе сигар. Тем более, что форматы *doble figurado* были гораздо популярнее *рагејо*, а хьюмидоры ещё не были изобретены.

Post Scriptum

Интересно, что первая партия сигар «Достоевский» покинула стены Погарской фабрики 25 октября, в день рождения Михаила Михайловича Достоевского, чтобы уже через два дня быть впервые представленной в Санкт-Петербурге.

Впервые русская сигара «Достоевский» была представлена публике 27 октября 2023 года в ресторанном комплексе «Симпозиум», расположенном на улице Достоевского.

Премьерную презентацию почтили своим присутствием Игорь Викторович Моисеев, Председателя Совета директоров ПССФ, а также Дмитрий Андреевич Достоевский, правнука Фёдора Михайловича Достоевского.

Премиальные русские сигары «Достоевский» (Favoritas, RG 52 x 145 мм) от Погарской фабрики — это оригинальный купаж никарагуанских и кубинских табаков 3-летней ферментации, выдержанных в бочках из-под уникального многолетнего дистиллята коньяка и кальвадоса, предоставленных Дербентским коньячным комбинатом.

RUSSIAN CIGAR: DOSTOEVSKY

December 12, 2023 | Press Release

Cigar News New Cigars New Releases

For the first time, the Russian cigar Dostoevsky was presented end of October in a historic restaurant on Dostoevsky Street in St. Petersburg.

The cigar brand is named after the Dostoevsky brothers — writer, translator, publisher and tobacco manufacturer Mikhail Dostoevsky (1820-1864), as well as his younger brother — the famous Russian writer and cigar lover Fyodor Dostoevsky (1821-1881).

The presentation was attended by Dmitry Dostoevsky, the great-grandson of Fyodor Dostoevsky.

Wrapper: Madura Natural Jalapa (Nicaragua)

Binder: Banda Viso Condega (Nicaragua)

Filler: Jalapa, Condega (Nicaragua) and Seco (Cuba)

Vitola: Favoritas, RG 52 x 145 mm

Russian cigar "Dostoevsky" by the Pogar cigarette-cigar factory is an original blend of Nicaraguan and Cuban tobaccos of 3 years of fermentation, aged in barrels of a unique long-term distillate of brandy, provided by the DERBEND DISTILLERY.

Cultural Harmony: Unveiling the Dostoevsky Cigar in St. Petersburg

December 2023

In a historic restaurant on Dostoevsky Street in St. Petersburg, the Russian cigar named "Dostoevsky" was unveiled for the first time in late October.

This unique cigar brand pays tribute to the Dostoevsky brothers—Mikhail Dostoevsky (1820-1864), a writer, translator, publisher, and tobacco manufacturer, and his renowned younger brother, the literary giant and cigar enthusiast Fyodor Dostoevsky (1821-1881).

The presentation of the *Dostoevsky* cigar, attended by Dmitry Dostoevsky, the great-grandson of Fyodor Dostoevsky, showcased the following details:

- Wrapper: Madura Natural Jalapa (Nicaragua)
- Binder: Banda Viso Condega (Nicaragua)
- Filler: Jalapa, Condega (Nicaragua), and Seco (Cuba)
- Vitola: Favoritas, RG 52 x 145 mm

Crafted by the Pogar cigarette-cigar factory, the Russian cigar "*Dostoevsky*" features an original blend of Nicaraguan and Cuban tobaccos aged for three years, with fermentation and aging taking place in barrels containing a unique, long-term distillate of brandy, generously provided by the DERBEND DISTILLERY. This distinctive blend reflects the rich literary and tobacco legacy of the Dostoevsky brothers, creating a cigar that stands as a testament to their cultural and historical significance.

It is unlikely to see this cigar on the international markets any time soon due to the trade embargo against Russia by many western countries as repercussions for the invasion of Ukraine two years ago.

РУССКАЯ

СИГАРА

ОТБОРНЫЙ ПРИВОЗНЫЙ ТАБАКЪ

10 FAVORITAS
RG 52 X 145 MM

ДОСТОЕВСКИЙ

